ВАСИЛИЙ ГРИШАЕВ

Твоя и моя весна

ВАСИЛИЙ ГРИШАЕВ

Твоя и моя весна

ПЕРВАЯ КНИГА
СТИХОВ

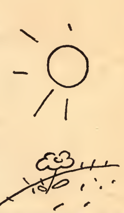
Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия"

1959

Памяти
москвича-ополченца
Михаила Соскова

Капель пробивает лед

К СОЛНЦУ!

Ввысь ушла
послушная ракета.
И морозный воздух
над Землей
высеял снежок
перед рассветом.
В это утро
больше на планету
стало мирозданье...

Это твой,
гражданин Страны Советов,
подвиг,
праздник твой
и всех людей Земли!
Ты — отважный,
дерзостный, свободный —
дал,
чего другие не смогли.
Кто живет
отжившею идеей,
тот не может пламенно мечтать.
Нет мечты,

когда не овладеешь
тем,
что мир
пришло пересоздать!

Нам,
достигшим космоса,
и на Земле доступны
спуск в глубины
и крутой подъем.
Шагом,
по размаху самым крупным,
к Солнцу жизни
гордо мы идем.

Слава Съезду!
Со своей трибуны,
обращенной в многолюдный зал,
он стране,
несущей миру юность,
путь к вершинам века начертал.

Город Солнца!
Грезили тобою
лучшие,
светлейшие умы.
Неразлучен
с нашей ты мечтою,

первыми
тебя построим
мы!

Коммунизм —
надежда поколений.
Мы возводим
подступы к нему.
Это слышит,
это видит Ленин.
И, полны
строительного рвенья,
мы — в полете
к Солнцу своему!

ТВОЯ И МОЯ ВЕСНА

И дни, теплея, вырастают,
и птичий яростней галдеж.
Выходит песня на заставу
и собирает молодежь.
Она с народом в дни тревоги,
в минуты радости большой
и встреч, рожденных дружбой строгой,
назначенных самой весной.

Наш сад, еще оледенелый,
вдруг неожиданно всплеснул
где лужицей, еще несмелой,
но открывающей весну,
где ручейком, живым и тонким,
проворной ниточкой в снегу,
бегущей за иглой вдогонку
и убыстренной на бегу.
Весна шумит капелью спелой
и пробивает старый лед.
И звезды — в золотом и в белом —
весенний начали полет.

И все тебе сегодня впору.
Иди, он весь до капли твой —
родной и обновленный город
в рубинах солнц над головой.
И ты идешь ему навстречу
с любимой девушкой вдвоем...
Пусть сказкой будет каждый вечер
на золотом веку твоем.
Шагнешь еще вперед на годы,
но будешь помнить до конца
рассвет у нашего завода,
«прощай» у тихого крыльца.

ТЕБЕ

Было в долгих закатах лето,
пахло дубом,
посохли кусты.
Даль была
в синий сумрак одета.
Я назвал тебя ласково Светой.
Мир, твоею любовью согретый,
не давал
и в разлуке остыть.

Нас с тобой
непрестанно бросала
жизнь,
срывая с любых якорей.
Сколько коршунов черных летало
над любовью твоей и моей!

Что я делал?
Ходил на работу,
сталь рубил
и болты нарезал,
отслужил свое время в пехоте,

по призыву на стройку попал.
Был я в долгом бою
пулеметчиком
и прошел до альпийских скал.
Ты сказала:

— Лучше бы летчиком...
Хорошо!
Вот и летчиком стал.
Ты сама, не смутясь,
до Посьета
по нехоженым тропам прошла,
задыхалась,
сбивалась со следа,
но, чтоб дальняя трасса цвела,
маяки по тайге провела.

Где бы крылья меня ни носили —
даже если не видно земли, —
вижу взгляд твой тревожный вдали,
вижу плащ твой в походной пыли.
Мне твой голос под солнцем поет.
Маяки? Нет, то сердце твое
над землею ведет корабли.

ЛЕДОХОД

По дорогам,
ведущим в город
через села и пустыри,
набирает
последнюю скорость
южный ветер — товарищ зари.
Зданья дышат его дыханьем,
он коснулся крылом реки,
и спешат в переулки ранние,
как гонцы его долгожданные,
говорливые ветерки.

Наступает,
не зная покоя и сна,
торопящая бег весна.
И шумит под мостами
можайский лед,
толкаясь плечом
о московский гранит.
Зажигаются звезды,
и юность поет,
и каждый —

навстречу весне —
пешеход,
пальто распахнув,
по асфальту спешит.

И я по оттаявшим плитам бегу,
и я мимо льдины пройти не могу, —
большая, идет она,
встретив заслон,
вот давят ее с четырех сторон,
она огрызнулась —
и скулы в снегу,
но всё прорвала,
устремилась вперед!..

Веселый идет
по Москве-реке лед.
Весна наступила —
и вот он взломан,
от берегов оторван рекой
и пронесен
мимо нашего дома,
мимо завода с дымящей трубой.

А липы,
мечтая о дружной листве,
качают тяжелые почки.
Апрель как хозяин идет по Москве —
большой, устремленный, рабочий:

там зданье заложит,
тут лед уберет,
и вставит стекло,
и раму протрет.
Теперь ему
только работы давай!
Идет, а навстречу ему —
Первомай.
Приветствую
утро твое, природа,
твой первый подснежник
и первый лист,
зазеленевший газон у завода,
и соловья подмосковный свист!

Не потому ль
и гудки заводов,
полные радости,
всем слышны?
И рукоплещет Москва
ледоходу,
как началу
большой весны.

Весна —
это жизни могучей приход,
цветами и росами сыплет она.
— Почему зимой начинается год?
Начало всему — весна!

НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ

Взойдешь
на любимые горы —
столица твоя пред тобой,
высокого подвига город,
прославленный город-герой.

Отсюда
большие дороги
в грядущее устремлены.
Здесь радости,
думы, тревоги
великой твоей страны.

И все твое детство не здесь ли,
и зрелость —
не здесь ли она?
А в парках веселые песни,
что вся распевает страна.

Колышется флаг над Кремлем.
Столица!
Ты в сердце моем.

СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА

На Север!
На скорости полной
туда — в ледяную страну!
В полете застала нас полночь,
метели на всю глубину.
И как мы подняться успели?
Далекие звезды во мгле.

— Попробуем выше?..

И выше взлетели.
А что там теперь на земле?
Идти бы, как в дождь, низами,
доверясь реке — веди!..
А тысячи верст перед нами
и тысячи верст позади.

— Бензина б хватило,
а там...

Я верю
        твоим беспокойным глазам.

И в крепость
твоих испытанных рук
я верю, мой новый друг.

— Вчера
вот такая же муть
закрыла мне к девушке путь.
Вернулся
с проклятьем в душе...
Живет она
на Иртыше.
Село — не окинешь глазом.
И дальше растет в тайгу...
Учительница
Рассказова.
Во всем перед ней в долгу...

И долго он смотрит вперед,
как будто кого-то
в лицо узнает.

Бил ветер в упор,
нас кидало.
В ушах будто осы звенят...
— И все человеку мало.
На новое тянет меня.
Слыхал я:
в далекой Чукотке

вморожена в небо звезда.
Там воздух из инея соткан.
Не веришь?
Вот мне бы туда!

Пурга обезумела в танце.
И трудно рокочет мотор,
и толще, все толще панцирь —
крыла ледяной убор.

— Зачем ты сюда?
— В разведку.
— Напрасно.
Алмазов тут нет.
Тут даже селенья редки.
Песца лишь
петляющий след.
— А сколько могучего газа
под этой землею?
— Не знаю.
Не лазил...

— Эге, дорогой!
Прорвались.
— Куда?
— Погляди-ка вниз.
Огонь!
Видишь? В облачке дыма...

Он выключил.
Ясно без слов:
горючего нет.

— Пионер, будь готов!..

Но сели,
как рядом с любимой,
на угли уставших костров.

А снег серебрился, игольчат,
буран вился лешим косым.
Встречали нас женщины молча,
мужчины кусали усы.

— Погодка...
Чего не вернулись?
— Никто вот
не подсказал...

Вздохнули,
переглянулись.

— Ну, ладно.
Покрепче причал!..

ПОСЛЕ БОЯ

Каждому —
свое большое место.
На подъеме дружный шаг окреп.
Так и прежде мы
сражались честно
в битвах за чугун,
за нефть,
за хлеб.

Радостной страны
творцы и жители,
пороха не смыв,
встаем горды —
воины тогда,
теперь строители,
смелые добытчики руды.

Чтобы жизнь —
свежей, чем росы зорями, —
всем бы счастьем
засверкала нам,
руки льнут

горячими мозолями
к рычагам,
к рубильникам,
к винтам.

ТОКАРЬ

И жизнь и радость вся — в труде.
Резец — к моим услугам.
Вот я креплю его в гнезде
болтами туго-туго.
Установил деталь, мотор
включил, и бойко с кромочки
бежит, как светлый ключик с гор,
сверкая, стружки пленочка.
Точу я мускулы валов
и кольца поршневые.
А сколько у меня резцов,
да и резцы какие!
Тот режет лишь простую сталь,
а этот вот — каленую.
И каждый светел, как хрусталь,
сторонкой наклоненною.
Вот говорят мне: нужен вал
мотору быстроходному.
Вчера кузнец его ковал,
ему все силы отданы, —
чтоб он и в небе не устал,
чтоб на море девятый вал

его ударом не сломал.
И мне понятно, для чего
такая крепость у него.
И я калю, точу резец,
и стружки — тоньше ниточек.
Вот вал, вот тысячи колец.
А если надо, наконец,
могу и солнце выточить!..

БАЛЛАДА О БЕЛОМ ГОЛУБЕ

В небе птиц
по-весеннему много.
Вот, курлыча,
летят журавли.
Их ведет
голубая дорога
на проталины
нашей земли.
Соловьям
так раздольно поется
про любовь,
про тоску и весну,
что в их песне
моя узнается —
и никак я теперь
не усну...

В каждой птице —
большой или малой,
смело бросившей
звон в небосвод, —

капля крови
бунтующей, алой,
поднимающей
силы на взлет.

Вон летит,
рубежи рассекая,
будто вызов
самой красоте,
белый голубь.
Его я узнаю,
как снежинку,
в любой высоте.

Он всех птиц мне родней
и дороже.
Я, строитель
и воин душой,
безмятежностью этой
встревожен
и крылатой пленен
белизной.

Ты для мира
на знамени вышит
белым шелком
да с веткой живой!

Пионер тебя красками
пишет,
сам готовый
лететь за тобой.

В МАСТЕРСКОЙ

Небо,
в росчерках авиастрочек,
заволакивают облака...

Начинается
день рабочий
звонким выстуком молотка.
И кудрявится под зубилом
в блеске солнечном завиток,
и, бунтуя, бежит по жилам
молодой и горячий ток.

Ты врываешься,
свежий ветер,
и становишься у станков.
И теплеет по всей планете
от накала твоих резцов.
В этом ветре
и я — частица:
не задержится под рукой
колеса озорного спица,
шестеренки оскал резной.

А соседка моя
резцами
тонко вьет
яркой стружки струю.
Освети ж
голубыми глазами,
как зарею, работу мою!..

За стеной —
гулкий цех проката,
нагревальщик у жаркой печи.
Вот о нем-то
и думает Ната,
улыбается и молчит.
Нагревальщик!
Не ты ли,
простой, неизвестный,
бросил пламя — металл заалел.

А того не смогло ведь
и солнце небесное
на нашей остывшей земле!
И гордится
девчонка парнем, —,
век бы глаз с него
не свела.
Оттого
за станком токарным

жизнь ей радостна
и мила.

Ты гуди,
мой завод,
мартенами,
день и ночь не смыкая глаз,
и зови
на любую смену
молодых,
неуемных нас!
Нам и пламя твое,
и станы,
перезвон твоих мастерских —
как весенний напев желанный,
как призыв
гулких горнов твоих.

ЭЛЕКТРОСТАЛЬ

Подмосковный мороз
на ветвях висит.
А бригада
на молниях
сталь варит.
И гудит в печи,
как поток в горах.
Говорит инженер:

— Открывай. Пора...

Осветила цех,
озарила даль
ярко-белая
разливная сталь.
А когда
кузнец
тронул молотом —
расступилось и небо,
расколото
над Ногинском ли,
над Коломною
звоном молнии
переломленной.

У МОРЯ

Я морю доверяю,
как в бою
родному другу,
молодость свою.
Войдя, целую,
как ладонь жены,
крыло солоноватое волны.

Багряной каплей
подожжен простор,
снега пылают
на вершинах гор —
и день уж за морем.
В огнях вечерних Сочи
и ты во власти
смуглой южной ночи.
Клинком в простор
безлунной звездной выси
рванулся перст
тугого кипариса.

А утром город,
как корабль на крене,

и дым всей грудой
на море упал.
И у подножья,
камни взбив и вспенив,
ломает мол
седой девятый вал.

Вон пароход,
застрявший, как во тьме,
в такой дали,
что не хватает зренья.
Но говорит,
что все же он в движенье,
лиловый дым,
закинутый к корме.

И смотрится
с крутого побережья
в бунтующее зеркало воды
зеленый снизу,
сверху белоснежный
Кавказ
всей мощью
вздыбленной гряды...

Мне до прощанья,
море-друг, с тобой
остался час.
Но я навеки твой.

ПАМЯТИ БАГРИЦКОГО

Ни время, ни люди того не сотрут,
что слышится через года.
— Эдуард Георгиевич?
— Да-а!..
Приглашал,
избегая ветров и простуд:
— Садитесь. Тахта или стул.
Читайте...

А сам
к папиросе и камельку.
И вьется, качается
беленькой струйкой дымок...
Бывает, что жизнью
обязаны мы волоску.
Не строчка ль стиха
всесильный такой волосок?

Да, он любил
этот сильный и яростный стих,
готовый сразиться
всем жаром и рифм и слогов.

Но жизнь ему выше,
дороже стихов дорогих,
ведь капелька крови —
коснись — обожжет и без слов.

Мы пришли из цехов,
в порах — пыль чугуна и железа.
— Как же вы
стариков
опалили бригадным огнем?
С ними в наши года
старый мир
старым коршуном врезан —
и вот на-ка тебе,
ходят с юностью в сердце крутом!..

А страна
берега
раздвигала волною высокой.
С ней он тесно дружил,
знал и радость
и боли ее.
И когда под Москвой
опустился с Димитровым сокол,
он сказал, просияв:

— Вот в чем счастье
твое и мое!

Мы листали Багрицкого,
как весенние листья ветер.
Мы над книгой его
сколько зорь повстречали, друзья!
Как же радостно знать,
что вот рядом с тобой на планете
тот поэт, без которого
жизнь и представить нельзя!

— Читайте...

Никто здесь не слышал:
«Довольно...»
А стрелка кружилась,
и Новый мы встретили год.
В высокой квартире
совет басовито спокойный:

— Пишите. Выпишется! Придет...

Февраль.
Оттепель.
С крыш — ручейки.
О южный ветер!
Ведь ты не подумал о нем...
В мире остались
читатели и ученики
да книги, парящие
сильным и светлым крылом.

НА РАССВЕТЕ

Заря...
Две тучки повстречались,
за горизонт ушли — и нет...
Счастливый день!
В твоем начале —
бескрайный,
молодой рассвет.
Он над лесами,
над туманом
широких,
многоводных рек.
Ему навстречу
рано-рано
в дорогу вышел человек.
Шинель,
рюкзак, видавший виды,
и гимнастерка под ремнем,
железом кованные трижды
ботинки,
палка с острием.

На солнце
пламенеют росы,

и ветры ранние поют.
Как ждут его
речные плёсы,
и степи на востоке
ждут!
И не ушла
с тенями ночи
неугасимая звезда...

Встает
в своей красе рабочей
страна и песен и труда.
Коснулись неба
кружевные
каркасы зданий.
А вдали
встречаются двухвинтовые,
светя огнями, корабли.
Он вслушался:
не умолкая,
работы гуд растет-растет,
и ходит песня трудовая
чуть свет с завода на завод.
А в дымке голубой рассветной,
грядущим присланы сюда,
всё явственнее,
всё заметней
воскрылья мачт

и провода.
Всегда солдат,
всегда разведчик,
идет к далеким берегам
он, за грядущее ответчик, —
и открывает клад тайга,
и начинается кустами
в краю пустынном
новый сад,
и по-походному,
ночами
в степях,
в снегах
костры горят.

ДЕВУШКА В БАРХАТНОЙ ШУБКЕ

Когда я
жизнь мою подытожу,
полмира в мире любя,
смогу я сказать,
что не зря я прожил.
Но как же
не встретил тебя?

А ты
пробегала бульваром,
пересекала мой путь.
Жила в этом доме старом,
не смевшем
на солнце взглянуть.

Наверно, мне думы мешали,
мучительно рифму искал,
когда наши тропы
встречались,
а я тебя
не замечал.

И вот
на перроне вокзала
увидел тебя не одну.
Метель вас, счастливых, встречала,
и поезд,
стальной запевала,
колесами тронул струну.
И долго та слышалась песня,
и долго мелькал огонек.
И падал на город отвесно
пушистый и теплый снежок.

* * *

Я юность
в шинели встречал на снегу.
В шинели
входил я в жизнь,
с тех пор
как вставал
по команде в полку
и падал по слову
«ложись!».

Но я прославляю
те руки, что ткут
мой серый шинельный кусок
и бережно с полки
тебе подают
бобровый тяжелый шелк.

Носи на здоровье!
Твоей красоте
он больше всего идет...

И в нем ты,
доверясь своей мечте,
с любимым
умчалась вперед.
Велению сердца
противиться как?
И в самом начале зимы
за плечи ты вскинула
папин рюкзак.
На том и расстались мы...

* * *

А время неслось,
как птица,
ему остановок нет.
И вот телеграф
с границы
принес от тебя привет.
И стало мне больно
и тесно
в московской моей стороне, —
ведь там ты,
где первая песня
явилась к солдату, ко мне.

Дороги скрестились.
Так что же, —
вперед, моя радость,
вперед!..
Восток,
весь ты мною исхожен.
И снова
по снежным отрожьям
бесстрашная
юность идет.

ТАЙГА

Тайга дымит.
Пожары ль то гуляют,
костры ли брошены из края
в край?
Висит над нею
пелена густая
и день и ночь,
зимой и в светлый май.

Дымит.
И нет, не погасить такое,
когда над каждым кедром —
в стынь и зной —
встает до неба
пламя голубое,
и даже снег
от хвои голубой.

МАХОРОЧКА

В дыму пороховом
табачный дым — отрада.
Особенно махорочка наш друг.
Куда б ты ни пошел —
она с тобою рядом,
и где б ты ни присел —
она дымком вокруг.

Ты голоден — она
прогонит голод, жажду.
Ты весь прозяб —
она к тебе с теплом.
Мы с нею в смертный бой
ходили не однажды.
На штурм тайги
теперь мы с ней идем.

ИДУЩИЕ ПО СУРОВОМУ ТРАКТУ

Стучи, мое сердце,
стучи, озорное!
Легкой жизни нам не дано.
Воевать и дружить
нам с тайгою
и девчонку любить,
раз уж ты влюблено.

У Сибири
крутой характер.
У любви нашей
гордый нрав.
На суровом таежном тракте
только в битву идущий прав.

Наступаем —
и нет нам предела.
Тут воздвигли завод,
там разведали газ.
И Сибирь к коммунизму смело
всеми кладами подалась.

А когда
под Полярной звездою
мы почуем в коленях лед,
как солдаты на поле боя,
упадем мы лицом вперед.

НА ВЕРШИНЕ

Тропа спешит,
зовет к вершине.
Сильнее ветер,
шире грудь.
Как здесь ты близко
в небе синем,
открытый в беспредельность
путь!

Еще подъем —
и я над тучей.
Она дыхнет
и пропадет.
А мне б еще
идти по кручам,
хоть шаг бы,
но вперед,
вперед!

КОМСОМОЛЕЦ

Как пули градинку,
метал меня бой.
Я знал:
доживу,
не погибну!
И, день начиная,
комбат молодой
командовал «залп!»
вместо гимна.

Мне уйма работы
не давит плеча.
Я клятву
сдержал боевую, —
и пуля в винтовке
была горяча,
и стали заварка
сегодня в печах
клубится,
клокочет,
бунтует.

Играй переливами,
чуткая гладь
стотонного чуда —
мартена!..
Нам денно и нощно
на вахте стоять,
моя
комсомольская
смена.

Теперь семилетки
выходят вперед.
В них юность —
ударным отрядом.
Коммунистической
нас назовет
родная Отчизна
бригадой.

РОДИНА

Мы первый бой
встречали вместе,
навстречу смерти шли с тобой.
Горели города, предместья,
был потрясен
весь шар земной.

Нас люди там,
в неволе, ждали,
земля хотела тишины.
Мы, в бой идя,
не замечали
своей весенней седины.

И, умирая,
видел каждый
не смерть — победы торжество.
И лишь любовь
и только жажда —
два чувства мучили всего.

Мы наступали
с гневной силой,
и опускали хобота
«пантеры» —
тесные могилы
владельцев черного креста.

Мы бились так,
как ты хотела.
Твоею силою сильны,
вперед идем
и ныне смело,
твои любимые сыны.

Мы все сильны
партийной силой
и славим партию свою,
что нам влила
кипенье в жилы,
учила стойкости в бою.

Отчизна!
Ты непобедима.
И шар земной
тобой велик,
и человеку ты —
любимый,
несокрушимый материк.

СЧАСТЬЕ

Счастье,
солнце мое!
Где тебя повстречаю —
за какими горами,
за какими ветрами?
Я прошел за тобою
от края до края,
шел на пули,
на смерть
с боевыми друзьями.

Кто-то зло нашептал,
что тебя и не будет.
Но тебя,
как победу,
в сердце носит солдат.
Ведь к тебе
топчут тропы
все добрые люди,
без тебя
и мгновенья
прожить не хотят.

Ты — звезда,
так всегда о тебе говорили.
Ты — весна,
а ведь право у всех на весну.
Счастье, счастье!
К тебе порываются крылья,
может статься —
и руки к тебе дотяну.

Пусть тревоги трубят,
обжигает колени
пламя взрыва
и гнева
и ветер морской.
Без тебя невозможно.
Мое поколенье
всем тебе уплатило.
Иду за тобой!

ДОРОГА

Чуть закрою глаза —
и вижу:
вот она,
в золотой траве,
вспорошенная пылью рыжей,
там теряется,
в синеве.

Я иду —
и она уходит,
но с холма в синеву
не летит.
Всю ее отшагал я вроде —
и опять она
впереди.

Где-то школа,
а где-то граница
и в снегах голубых тайга...
Все прошел

и под вспышки зарницы
близко встретил
в бою врага.

Оступилась дорога
в траншею,
мне же надо за Днепр,
вперед.
И под грохот родной батареи
пехотинец
в атаку идет.
То взрываясь,
то потухая,
пламя мечется в гулкой дали...

Стой,
дорога моя боевая!
Мы тебя до конца прошли.
Но закрою глаза —
и вижу
всё, как есть:
я стреляю в упор —
и теряет
мерзавец рыжий
автомат,
пять кассет
и бесстыжий,
одурманенный спиртом взор.

Нескончаема
наша дорога.
Гулом стройки она гудит.
Ты по ней
неустанно иди!
Впереди еще всякого много,
но победа
всегда
впереди.

Костры на дорогах

* * *

Мы забываем, воины,
о смерти
не потому,
что гибель не страшна, —
перед любым из нас
квадрат обстрела чертит
суровая
и грозная война.

Пусть «юнкерс» вьется,
сея с неба гибель.
А мы живем.
Прицел — и смерть ему.
И он взревел,
он мечется, подшиблен, —
и камнем вниз,
не нужный никому.

Он сеял смерть —
и вот он сам в прицеле!
За смертью гнался —
смерть лишь и нашел.

Чернеют ребра,
и молчит пропеллер.
Он догорает,
жалок и смешон.

Зачем бы в небо
и взлетать пирату?
Мы небо бережем
для взлетов посильней.
Оно просторно
другу лишь
и брату.
А всем другим
оно тесней траншей.

Мы забываем, воины,
о смерти
не потому,
что гибель не страшна.
Мы перед ней стоим,
но никогда, поверьте,
не сломят нас
ни буря,
ни война!

1941

В БОЮ

Бой шел три дня, не остывая.
Рубеж ломался, дым густел,
бросала бомбы вражья стая,
артиллерист терял прицел.

Сшибались танки и танкисты.
Казалось, ноги резал наст.
Тогда ты крикнул: «Коммунисты!..»
И смерть отпрянула от нас.

1942

ВТОРОЕ ЛЕТО

Год второй
войны, невзгод, разлуки.
Смерть
давно вошла
в окопный быт.
Ей никто
связать не может руки.
Ходит,
скалит зубы
и грозит.

Мы привыкли.
Удивить нас нечем, —
не один положен
в землю друг.
Но как только
наступает вечер,
мы вздыхаем
о судьбе подруг.
Как они
и ждут нас,
и тоскуют,

добывают хлеб
и варят сталь для нас,
пушки льют!..
Ты, Русь,
любовь такую
вывела на бой
в который раз?

Мы в просвет
незримой амбразуры
видим поле —
золотой разлив!
Сколько дзотов
наклонилось хмуро
над большим простором
зрелых нив...
Жалуется рожь
второму лету:
— Где пропал
железный звон косы?

Тошен ей
взрывчаткою нагретый
запах крови
от густой росы...

Мы, привыкшие
владеть серпами

и комбайны
по степям водить,
видим
воспаленными глазами
эту боль —
и нечем пособить.

А кругом,
куда б ты взгляд ни кинул,
порваны
узлы дорог и троп.
День и ночь
трясут слепые мины
наш примятый,
латаный окоп.
Подступает
к горлу в подъязычье
крик,
налитый злобой оттого.
И кричат сердца
громовым кличем:
встать и бить
пришедших за добычей
без разбора,
всех до одного!
Чтобы никогда
не осыпалась
рожь на черный ток

пороховой,
чтобы никогда
не подымались
жерла
над цветущею землей!

1942

КОМБАТ

П. Ф. Шкараденку

Даже пули тебя не брали.
Смелый, храбрый, живучий ты.
В синих-синих глазах читали
Мы твои боевые мечты.

Засыпало тебя землею
и швыряло взрывной волной.
А приказ — ты встаешь перед строем,
только спросишь: «Ну, кто со мной?

Шаг вперед!» Никого на месте,
все с тобою, и верит всяк,
что любой проживет лет двести
рядом с тем, кто отважен так.

1942

НА ПОЛЕ БОЯ

В третий раз
упал я, ранен.
И не встать...
На то и бой.
Но при мне еще
в кармане
номер,
данный старшиной.

Как мне врезаться хотелось
в ту траншею,
впереди...
Ну-ка,
друг мой верный —
смелость,
подними меня,
веди!..

Нет, не встану...
Повернуться
с боку на бок не могу.
Вы идите, —
мины ж рвутся.

Тяжело
в таком снегу..

Танк придет —
в руке граната.
Лапы зверю перебью!..
Тут и будет
вся расплата
за свершенное в бою...

Я ведь знал
про все заране,
выходя на этот труд.
Да, на фронте
даже ранят,
а бывает —
и убьют...

Мне не жаль,
что песни звонкой
не спою,
готовясь в бой.
Только жаль —
одна девчонка
будет плакать
надо мной...

1943

КОСТРЫ НА ДОРОГАХ

Костры горят.
В волнах тумана
их кто-то, притомясь, разжег
у перелесков,
на полянах,
вдоль громыхающих дорог.

Горят всю ночь...
И вот над лесом,
как гром на утренней заре,
артиллерийская завеса
вдруг полыхнула на горе.

И гаснут вмиг
костры привала,
и дым запутался в ногах.
И ненависть
заклокотала,
вспоенная в людских сердцах.

Я недоспал.
И сна не надо.

«Ура!» —
гремит по всем полкам.
И сердце
по-солдатски радо
незатухающим кострам.

1943

СТЕПНАЯ ВСАДНИЦА

Мне дали заданье,
мне дали коня.
А залпы грохочут
и слева и справа.
В горячее пламя
несет он меня
по гиблому полю,
по выжженным травам.

Нас ловят на мушку,
в нас бьет миномет
и пушки, что за ночь
ничуть не остыли...
Так что ж меня к жизни
над смертью несет?
Кто дал мне бесстрашные,
крепкие крылья?

Со мной твое имя
и сердце со мной.
И ветер принес мне
твой голос с востока.

И всюду, где я,
ты врываешься в бой,
и целишь в фашиста
моею рукой,
и знамя мое
поднимаешь высоко.

И вот мы полстепи
с тобою прошли,
и вот полвойны
отсчитали с тобою.
Любовь, это ты
предо мною вдали,
ведешь,
невредимым
выводишь из боя!..

1943

* * *

Лицом в траву,
на землю жаркой грудью,
глаза закроешь
и — как в омут — в сон.
И если
все еще гремят орудья,
ты их не слышишь —
так ты утомлен.
Поднимет вновь
не выстрел,
не ракета
и не команда —
только лишь рука...
Над степью всей
жарою дышит лето
и белые проходят облака.

Лицом в траву,
на землю жаркой грудью,
про все забудешь
и — как в омут — в сон.
А над тобой

еще гремят орудья
и слышится команда:
«Ба-таль-он!..»

Кто знает, где
наш повторится отдых,
и долго ли еще
продлится бой...
Весь без остатка
ты сраженьям отдан.
Лишь сна чуто́к!
И всё. Веди, старшой.

1943

НА ДНЕПРЕ

Правь!..
Пусть лодки
всем ветрам открыты,
наскоро сколочены плоты, —
все равно пройдем,
единой волей слиты,
к этим кручам,
грозным и крутым.

Все упрямей
припадая к веслам
и купели этой
через край хлебнув,
юноши
в мгновенье
становились взрослыми,
бой ведя
за каждую волну.

Поднимайся, молодость,
и выходи на приступ!
День ли, ночь ли?

Зарево и гром.
Отчего так пули голосисты
в древних кручах
иад седым Днепром?

Подияла заря
моргающие веки.
Это пляшут
вспышки батарей.
Жизнь, как мать,
одиа у человека.
Тяжело, пойми,
прощаться с ией.

Да и полио!
Надо ль расставаться?
Ведь иа то и бой.
Вперед, орлы!..
Жеищииам во сиах
герои сиятся.
Сны светлы.
И будут дии светлы.

Правь!..
Пусть лодки
всем ветрам открыты,
иаскоро сколочены плоты.
Мы подходим,

крепкой волей слиты,
к этим кручам,
грозным и крутым.

Жизнь — в огне.
Сгорит иль закалится.
Без победы
не придем назад.
Нам штыком хотя бы
зацепиться.
Бей с плота
по ворогам, солдат!

1943

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МИРА

Тишина не сразу нам понятна.
Все как было. Даже конь, храпя,
рвется вдаль, как будто в бой опять.
Иль забыл он о пути обратном?

Там ущелье, сумерки и стужа,
срывы троп, рассерженный ручей.
И бредет покорно, неуклюже
бычья пара по пятам людей.

Все как было... Переносят мины,
заряжают диски заодно.
Как молчал, так и молчит старинный
замок в Альпах. Камню все равно.

Что ему! Пусть жизнь на повороте,
пусть эпоха — этот поворот.
Купола в тоске о позолоте
доживают семисотый год...

А тропа вилась — и на вершине
потерялась, как игла в траве.

Горы встали в голубом и в синем,
в белом на курчавой голове.

И хотя душа еще не может
воспринять величье тишины,
глаз уж видит — это не похоже
на вчерашний дымный день войны.

1945. Альпы

МОИ ТОВАРИЩИ

Оглянусь —
я одиноким не был,
страстно верил,
горячо любил.
В дальний путь,
в заоблачное небо
не один —
с товарищем ходил.

На метельных
фронтовых дорогах
я впадал, усталый,
в забытье.
Друг
рукой заботливою
трогал
тело коченевшее мое.

И когда
с друзьями был закопан
бомбой,
люди подоспели к нам,

вынесли —
и вот мы пол-Европы
отшагали по крутым путям.

И в последнем,
самом трудном часе,
тонком, как натянутая нить,
я увижу,
чем ты, мир, прекрасен
и за что
друзей благодарить.

1945

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Мы не знали,
кто из нас споткнется,
кто убитым
наземь упадет.
Жадно пили
воду у колодцев,
наполняли фляжки —
и в поход.

Мы клялись,
что Родину в сраженьях
от любого лиха
отстоим...
Тяжко было всем
до исступленья
по дорогам отступать своим.

И тогда,
когда по всем дорогам
шли мы
грозной армией
вперед,

все равно не знали мы,
ей-богу,
кто до Дня Победы
доживет.

Но в одно мы
верили всей силой:
коммунизма
бомбой не убить.
Он кипит
горячей кровью в жилах,
полный жажды
яростно творить!

1945

НА ПОСТУ

Смята ветром
гладь морская,
берега круты.
Прямо в глубину ныряют
звезды с высоты.
Я вглядусь —
и отразится
четко, не троясь,
ломким берегом граница,
и скала, и вяз.
Вот рассвет
идет с востока
по тропинкам звезд...

Я приехал издалека
на солдатский пост.
В жарком цехе
брал начало
мой широкий путь.
На четыреста вокзалов
довелось взглянуть,
на четыреста вокзалов

и на сто мостов —
от Ногинска до Урала,
от Урала до Байкала,
по пути отцов.

Все я видел проезжая:
шахты, рудники,
океаны урожая,
мощный бег реки.

Не щадя себя, беречь мне
на посту моем
тишину неспящих речек
и родимый дом,
степи мирные разливы,
мерный шум плотин,
вечных гор седые гривы,
поезда в пути,
пароходы у причалов,
отдых у костров,
все четыреста вокзалов
и все сто мостов.

1946

ПОЭМА

1

Нам лес шумел,
нам птицы пели,
цветы пылали на ветру.
Встречая нас, кипела зелень,
сверкал, звенел ручей в яру.
Весенний мир сцепил над нами
тугие руки, распушил
зеленое, как море, пламя,
зазвал, увлек, заворожил.

Мы шли,
а росы пламенели,
навстречу нам вставал закат.
Березы рдели и темнели,
кричали иволги не в лад.

Синь глаз твоих
я всю измерил —
и вот навек у них в плену.

— Люблю!
— Люблю...

И я поверил
в тебя, хорошую, одну.

— Люблю!..

На крыльях это слово
взлетало,
билось в высоте.
И не было ему другого
в товарищи по чистоте.

Мы с детства
только тем и жили,
что набирали день за днем
для взлета
боевые силы,
согретые большим огнем.
Мы жизнь ценили
не по книжкам,
а по живому пульсу дня,
ведь в мире —
мятежи
да вспышки
артиллерийского огня.

И я себя
той меркой мерил,
какую век определил,

и горячо
в победу верил,
работу трудную любил.

Ты помнишь
нашу ночь лесную,
когда по соснам месяц шел?
А ветерок кружил, ревнуя,
и песни доносил из сел...
А высоко над головою,
летящие издалека,
всей белой грудой снеговою
сшибались в беге облака.

Вольно́ им
на пути высоком
сойтись,
расстаться на века
без сожаленья,
без упрека.
А мы с тобой
не облака.
Мне и теперь
до боли близки
твой взгляд с колючим огоньком
и волосы,
как у мальчишки,
зачесанные ветерком.

Влечет опять
к родному бору,
где каждый куст
вернул бы вновь
мне ту мучительную пору,
ошибки, радости, любовь...
Взорвать бы
тишь сосновой дачи,
тепло уютного жилья,
куда тебя
от ветра прячет
защита строгая твоя!..

2

Что нас вело?
Мечты,
дерзанья,
охота глянуть за предел,
невиданные испытанья,
неслыханная груда дел.

— Летим на Север!..

И ответом
могло быть лишь одно:

— Готов!..

По комсомольскому билету
мы принимали эстафету,
и нам пути другого нету,
как в глубь нетронутых снегов.
Мы молоды
Едва по двадцать
нам всем,
и все устремлены
туда,
где в толщу недр вгрызаться
зовет нас
молодость страны.

Ты провожала.
Нас не двое, —
тут армия
в расцвете сил!..
Вставали звезды над Москвою,
и месяц в небо выходил.

— Хочу с тобой!
Возьми. Кем хочешь.
Ну, как невесту...
Как жену!..

А я и сам-то знал не очень,
куда приду,
с чего начну.

Свисток —
и все поплыло мимо,
и ты осталась,
я — в пути.

Любовь —
она несокрушима,
ее мне радостно нести.
За нею —
дальние дороги,
неодолимые мечты,
неугомонные тревоги,
неподнятых целин пласты.
Она сердцами гордо движет
и набирает высоту.
С ней звезды
и планеты ближе
и чище воздух на лету...

Мой Дальний Север,
сердцу близкий!
Четыре кованых зимы —
и навсегда
под солнцем низким
с тобою подружили мы.
И вековое бездорожье,
и тайна вечной мерзлоты
зовут сразиться,

и тревожат,
и будят новые мечты.
Что мерзлота!
Коснись — и треснет,
и все откроет — на, бери,
прославь твоей сердечной песней,
любовью чистой одари!

Земля далекая устала
ждать из насиженных краев
и открывателей металла,
и нас — строителей цехов,
и планировщиков кварталов
красивых новых городов.
Там солнце рано холодеет,
грозна пурга
и ветер крут,
там мужество
до срока зреет,
там трусы долго не живут...

Я ждал тебя,
тобою грезил,
по тундре нес я образ твой.
Я заряжался, как железо,
твоей магнитною строкой.
Ты мне писала часто-часто,
мечтала только об одном,

чтобы к сияньям полыхастым
лететь, рубя мороз крылом.
И вдруг — обрыв...
Не стало писем,
мои вопросы — в пустоту.
Теряю счет и дням и числам
и вижу девушку не ту.
Та жаждала лететь в зимовье,
в снега —
лишь только б быть со мной,
а эта рвется в мир другой...

Нет,
не поступимся любовью
и не расстанемся с мечтой!

3

Но как же ты,
прождав, промучась,
вдруг отступила,
отошла
и из достоинств
самым лучшим
богатство в жизни избрала?
Ты ль это шла,
дерзаньем будни
наполнив
и твердя одно:

— Такой подъем!
В наш подвиг трудный
недаром сердце влюблено...

И вот...
Нет, я о том не смею,
пускай другие говорят.

Я знал одно, —
что ты сильнее,
что ты отважней всех девчат.
Перед тобой миры сияли,
крутые тропы звали ввысь,
тебя друзья благословляли,
надеясь...
Но не дождались
такого взлета,
на который
настраивала сердце ты,
взяла да выключила скорость
и погасила все мечты...

А у друзей кипит работа,
и с каждым днем
Сибирь теплей —
ведь тут без меры и без счета
угля,

металла
и огней,
встающих зорями большими
от Иртыша и до Илима.
Ты с нами не пошла вперед,
тебе не нужен наш поход...

Но в долгий-долгий день покоя,
когда один я остаюсь,
мне тяжело,
что не с тобою
иду в тайгу.
И давит грусть.
А надо мной,
восточным ветром
гонимые издалека,
опять, как тем далеким летом,
идут гурьбою облака.
Не те ли это,
что с тобою
заметили мы в первый раз?
Плывут, довольные судьбою,
от них не оторвать мне глаз...

Я потрясен,
я негодую.
Четыре года разве срок?..

За поцелуй твой
поцелуем
я отплатить еще не смог.
Я не отдам тебя другому!
И хоть какие там снега —
прорвусь к тому большому дому,
взорву покоя берега...
Иль лучше мне тебя оставить?
Достанешь ли тебя отсель?..
И может быть, я был не вправе
лететь за тридевять земель?
А может быть, любовь вернется,
коль я осяду под Москвой
в такой же дачке —
и с колодцем,
с забором,
вставшим, как изгой,
над человеческой судьбой?..
Нет-нет, постой,
земля огромна,
живи, дыши, люби и пой, —
от океана до Коломны
полсвета, брат, перед тобой!
Ужель тебе гордиться нечем?
Мешок походный,
два ремня,
да несгибаемые плечи,
да радость завтрашнего дня!

4

Наш старый лес...
Тропою старой
иду.
А вот и ты пришла
походкой женщины усталой,
неловко руку подала.
Что я скажу тебе, любимой?
Я не забыл
и встрече рад...

А лес плывет зеленым дымом,
все вдаль, со ската и на скат.
И, расплескав ребячью удаль,
звенит подлесок молодой,
да облака летящей грудой
сшибаются над головой.
Ты для меня
опять такая,
какою здесь вчера была.
Но где твоя коса тугая?
О, сколько ты пережила!
Отречься от былых привычек,
сменить девичью красоту
на этот локон заграничный,
ресниц поддельных темноту...

Постой!
Да как же это?

Слушай,
не может быть, чтоб ты сдала!
Наверно, это просто случай, —
отринь его,
ты ж все могла!
Ты мне всегда была опорой.
А что теперь?
Где твой размах?
Ты вспыхиваешь, будто порох,
и гаснешь тут же на глазах.

Мне, может быть, нежней бы надо,
а я сплеча, как лесоруб:

— Любовь —
не модная помада,
не снимешь ваточкою с губ.
А ты взяла да променяла
ее. На что?
На мебель в залах,
на блеск эмалевых машин,
на сивый ворс его седин...
— Завидуешь?
— Ему? Еще бы!
Такую у меня украл!
Не ждал, как я, конца учебы,
из института прямо взял.
Хвалю! Теряться не пристало,

когда жених так далеко...
Что ж нет детей?
— Не пожелала...
— Ты? Ты сама?
А как мечтала!
Ты помнишь, —
месяц над рекой,
лодчонка...
— Нет... Давно забыла...
— Цвели кувшинки полной силой..
И день вставал — такой большой!..

И я вперед прибавил шагу,
навстречу ветру и весне,
к ручью да к старому оврагу,
к любимой будущей жене —
к Марии, той, что ждет и знает:
приду!.. А эта.. Сбивчив шаг,
и бледнолицая такая,
с тяжелым золотом в ушах...

— А кто... кто он?
Кому известны
его дела, его мечты?
Взглянуть он может —
прямо, честно —
в лицо постылой пустоты?..

Знакомые лесные дали
встречают новым дубняком.
Я не заметил, как набрали
вторую скорость на подъем.

— Спешишь?
— Спешу...
— Опять в дорогу?
— А разве я с нее сходил?
— Ты без того изведал много.
— Иду, пока хватает сил...
Он любит ли тебя?
— Конечно...
Молчанье тучи тяжелей.
А ветерок,
знакомый, встречный,
нас принимает за друзей.

Я не смирюсь с такой утратой,
я за любовь пойду на бой, —
она тут, — нет, не виновата.

— Ты в отпуск?
— Да... И за тобой!..

А что до прошлого...
Мне дорог
весь путь —

с того простого дня,
когда любовь рассветным взором
впервые тронула меня.
Встречаются
в пути высоком
и расстаются на века
без сожаленья,
без упрека
лишь ветровые облака.

1958

О СТИХАХ ВАСИЛИЯ ГРИШАЕВА

Василий Гришаев профессиональным поэтом себя никогда не считал, хотя стихи пишет уже лет двадцать, если не больше.

В лирике своей Василий Гришаев по преимуществу романтик, но романтик не потому, что он недостаточно знает жизнь, что ему, по существу, нечего сказать. Нет, романтик он именно потому, что ему есть чем поделиться со своими друзьями-читателями.

Многие годы сам проработавший на одном из московских заводов, Василий Гришаев не только усвоил для себя образ жизни и образ мыслей передового советского рабочего, но и сумел это свое рабочее мышление, это свое хозяйское отношение к стране перенести и в свои стихи.

Главная тема книги «Твоя и моя весна» — это тема труда и человека в труде. Не потому ли, как только автор касается этой темы, стих его приобретает особенную задушевность, непередаваемую заразительность.

Чтобы жизнь —
свежей, чем росы зорями, —
всем бы счастьем
засверкала нам,
руки льнут
горячими мозолями
к рычагам,
к рубильникам,
к винтам.

И удивительное дело, самые прозаические вещи, такие, как рычаги, рубильники, винты, под пером Василия Гришаева вдруг начинают обретать привлекательность и поэтичность. Труд для лирического героя Василия Гришаева в наших советских условиях сделался насущно необходимым, без него и жизнь не в жизнь, и радость не в радость. Человек, познавший счастье свободного труда, человек, уверовавший в то, что его труд способен горы своротить, не может не наслаждаться своим делом, не может не мечтать о необыкновенном и великом.

И я калю, точу резец,
И стружки — тоньше ниточек.
Вот вал, вот тысячи колец.
А если надо, наконец,
Могу и солнце выточить!..

Достоверны и задушевны и военные стихи поэта, вошедшие в цикл «Костры на дорогах», и небольшая поэма «Ветровые облака» — лирическая повесть об утерянной и вновь обретенной любви.

Военный цикл — это лирический дневник солдата, сильный своей мужественной откровенностью и обретенного кровью опыта.

Не везде и ие всегда Гришаев умеет иайти то едииствеииое иеобходимое слово, которое только одио должно стоять иа том или другом месте. Порой для выражения своей мысли поэт ие умеет иайти четкого и яркого образа, и тогда стих его звучит иесколько вяло и расплывчато. Есть такие иедостатки у Гришаева, и скрывать их иечего. Но у Гришаева есть и миого такого, что стихи его делает явлеиием поэзии. К числу таких достоииств я отиошу такие черты его стихов, как иепосредствеиность в выражеиии мысли, ромаитическую приподиятость образов, убеждеииость в правоте своих утверждений. А утверждает поэт самое главиое и самое иасушиое, что характеризует иаш сегодияший деиь, — созидательиый труд и поэзию труда, иеоборимое желаиие советских людей построить иаше коммуиистическое завтра.

Вас. Журавлев

СОДЕРЖАНИЕ

Капель пробивает лед

Костры на дорогах

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская ул., 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Гришаев Василий Никитич
ТВОЯ И МОЯ ВЕСНА
Стихи

Редактор *В. Котов*
Художник *Г. Каждан*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Т. Тамулевич*

А05058 Подп. к печати 23/VI 1959 г.
Бумага $60 \times 92^1/_{32} = 1,75$ бум. л. =
= 3,5 печ. л. 2,9 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Цена 2 р. 95 к.
Заказ 859

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

22

